

Ольга Белова
(Москва)

**«Мне приятен этот обычай...»,
или
Как мы выбираем традицию**

В основу этой работы положены материалы интервью, записанных во время полевых исследований на Буковине, в Галиции и в Бессарабии в 2007–2011 гг. Изучая культуру евреев этих регионов, мы в первую очередь старались побеседовать с представителями старшего поколения, которые помнили живую традицию еврейских городов и местечек, традиционный быт и уклад, религиозные обряды и праздники. Но не менее интересным и поучительным стало для нас общение со «средним» (50–60 лет) и даже «молодым» (35–40 лет) поколением. У представителей этих возрастных групп свое видение традиции и свое отношение к ней. Если в семье были соблюдающие бабушки-дедушки, то молодежь могла хотя бы наблюдать традиционный уклад; если семьи были ассимилированные, смешанные или просто «советские», представления о национальных и религиозных традициях практически отсутствовали, что не означало, однако, равнодушного отношения к «еврейской старине» наших информантов.

В какой-то момент (так сложились обстоятельства, поменялась работа, изменились социальные условия) представители «среднего» (советского) поколения стали причастными к еврейской традиции, познакомились с ней, вспомнили что-то из багажа детства и даже смоделировали для себя «традиционность» так, как они ее понимают.

Оживление семейных традиций или сотворение собственной традиции часто происходило потому, что нашим информантам пришлось занять те или иные посты в «еврейской номенклатуре» (директор школы становится директором хеседа, бизнесмены – главами

общин). При этом «по жизни» они могут быть детьми от смешанных браков или сами состоять в смешанном браке – и тут возникает проблема выбора и уравнивания традиций.

В беседах с такими рассказчиками больше всего привлекает личностное восприятие основных элементов традиции (праздники и традиционная обрядность – свадьба, похороны, имянаречение, правила и предписания, выбор своего отношения к религиозной и светской части традиции).

Традиция и семья

Тема самоопределения в традиции чаще всего связана у информантов «среднего» поколения с воспоминаниями о семье, о том, как родители (или бабушки-дедушки) эту традицию для них «приоткрывали» – ненавязчиво (время было такое!), но красочно и колоритно – через семейные праздники и угощения (детская память ярко сохраняет впечатления от вкусов и запахов), и всегда деликатно – примером уважительного отношения в семье к представителям разных национальностей и религий. Именно так видится приобщение к традиции одной из наших рассказчиц из г. Бельцы.

У меня не традиционная еврейская семья в связи с тем, что папа у меня еврей был, мама – русская, поэтому это нетрадиционная еврейская семья.

И вот тут я вспоминаю слова мамы – она мне рассказывала, как ее встретила бабушка, то есть папина мама. Папина мама была очень верующим человеком, глубоко верующей еврейкой она была, ее в городе здесь все знали, ее звали Песя. В принципе, я получила ее имя – я Полина, по бабушке. Глубоко верующая женщина. И вот мама рассказывала, как она ее встретила. То есть приехала русская невестка, которую она не знала и не ведала. Вы ж понимаете, в то время в еврейской семье это было почти криминальное событие! Поезд приходил в два часа ночи или в час ночи приходил поезд, и она встретила вот эту русскую невестку, полуслепая старая женщина, встретила мою маму на улице. И мама вспоминает – она ее взяла за руки, почти не видя, ночью, взяла ее за руки и сказала: «Приехала моя Анечка». Я всегда, когда это вспоминаю, рассказываю, у меня слезы наворачиваются, потому что это великое дело ума человеческого. Сын привел невестку, совершенно другого вероисповедания, совершенно другой национальности, и вот с таким умом бабушка встретила свою будущую невестку. Никогда не возникал вопрос

о том, что мама русская, а папа из семьи евреев. Никогда. И все соседи, пока бабушка была жива, все соседи знали, что «это моя Анечка» <...> [Бабушка] была очень религиозным человеком. В этом и весь вопрос – что будучи очень религиозным... глубоко религиозной женщиной, с глубокими еврейскими корнями, принять русскую невестку – это было равносильно героизму Советского Союза! <...>

У нас в доме отмечались все праздники, независимо от того – это еврейский праздник или русский <...> У нас был вкусный дом. Теплый и вкусный дом. <...> Я выросла в этом окружении вот этого – вкусной кухни, независимо от того, кому она принадлежит – молдаванам, русским или евреям.

...Я прожила свою жизнь без понятия «национальность». У нас в округе жили евреи, молдаване, цыгане, русские, и мы, дети, не чувствовали своей национальности. Нам было всё равно. Вечером, когда молдаване приходили с поля, они: давайте, ребята, к нам! Сиделись все, нас кормили – той же мамалыгой, жареной рыбой – что там было. Напротив нашего дома жили цыгане. Ходили все дети к ним – они нас тоже кормили. Голубцы там были всегда великолепные. Понимаете – у нас дома всегда... не было различия, мы не понимали, что такое национальность.

Впервые я это почувствовала, когда окончила школу. Я окончила школу и поступала в Тираспольский институт <...> Когда я поехала поступать – у меня очень звучная еврейская фамилия, Розенберг. И когда я поехала поступать, я сдавала физику, я хорошо окончила школу, я сдавала физику, сидело два молодых человека, молдаван, которые принимали экзамены, я ответила на все вопросы, и тогда один другому задал вопрос: «Ты видел, какая у нее фамилия?» – на молдавском языке. И они поставили мне четверку. Это сыграло свою роль, что я по конкурсу не прошла. Конечно, если бы это было сейчас, я бы знала, как с ними справиться за то, что они сказали. Но это было тогда, мне было неполных 17 лет, девочка из села, как я могла среагировать? Мне пришлось уехать в Архангельск. <...>

Папа не был приверженцем религии, мама у меня не была религиозным человеком. <...> К субботе всегда готовилось. Потому что в любом случае суббота – это праздничный день при любой религии. Суббота – это праздничный день. Мама всегда пекла. Раз в неделю мама в русской печке пекла хлеба вот такие [показывает – в высоту ок. 30 см] вот высокие, очень вкусные. Мама пекла всевозможную выпечку, очень вкусные рулеты с повидлом, с брынзой, с творогом, с капустой...

На Рош-а-шана, на Новый год, мы обязательно чувствовали, что есть такой Новый год и такой Новый год [т.е. еврейский и «общий»], были яблоки и был мед, конечно. Обязательно стояло блюдо с медом, нарезанные яблоки. [Вам объясняли, что это еврейский Новый год?] Да.

Впервые я как-то прошла этот Новый год, я ребенком помню, здесь, в Бельцах. Мы к тете приехали, так получилось, что мы приехали именно на Рош-а-шана к ней, и вот мы увидели этот мед и эти яблоки. У папиного брата и у его жены было тут тоже окружение еврейское, пришли к ним гости, и с тех пор у нас дома на Рош-а-шана тоже всегда был мед и яблоки. Но и без Рош-а-шана мы тоже любили мед с яблоками. [Была елка на «общий» Новый год?] Стояла всегда елка. Традиционная елка тоже всегда стояла в обязательном порядке. [Папа никогда не подчеркивал религиозную сторону еврейской обрядности?] Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в каком возрасте¹.

Наша следующая рассказчица говорит о себе, что о принадлежности к еврейской традиции никогда специально не задумывалась, но благодаря тесному общению с бабушкой сохранила идиш: из молодого поколения семьи бабушка, говорившая только на идише, всегда особо выделяла внучку, внешне очень на нее похожую, и предпочитала общаться именно с ней. У нашей информантки смешанный брак, и в семье сосуществуют две традиции, к которым приобщается ее сын.

[Сын информантки знает, что он еврей.] Он уже знает это в силу того, что мне не дали еврейского воспитания. Я не могу дать ему то, чего нет у меня. Пытаемся, конечно. Он приходит в хесед на какие-то детские мероприятия, дать ему какие-то понятия мы пытаемся, но точно ровно настолько и папа пытается. Папа ходит на православную Пасху в православную церковь, святит кулич, в этом году слезы были, потому что папа обещал взять с собой, а кое-кто не хотел просыпаться ночью! Утром уже этого не помнит, что ночью он не хотел просыпаться! И у нас были слезы, что папа его с собой не взял. Мы пошли во второй класс, нам 8 лет. Он впитывает всё, поэтому мы ему и даем всё, что можем. Мы не религиозные в принципе, но как-то живем, миримся. Муж у меня понимает абсолютно всё. [Так можно две Пасхи в семье справлять!] А мы так и делали! Когда были наши мамы, так и делали. На одну Пасху ходили к одной маме, на другую Пасху ходили к другой маме. И всё было хорошо!²

Традиция и имянаречение

В семьях, совмещающих две или несколько традиций, своеобразно решается вопрос с выбором имен для новорожденных. Часто дают имя в честь кого-то из старших родственников (при этом назвать

можно и в честь здравствующего члена семьи); могут выбрать просто понравившееся или «нейтральное» имя или даже назвать ребенка «по календарю», т.е. по святцам. Трансформации еврейских имен, по мнению наших информантов, связаны с тем, что традиционные еврейские имена уже в конце 1950-х гг. представлялись «смешными» (что может показаться удивительным, например, для г. Сорока в Молдавии, где до 1970-х гг. еврейское население составляло если не бóльшую, то наиболее значительную (и в социальном, и в общественном плане) часть жителей).

Бабушку я не застала. Бабушка моя умерла буквально через три недели после моего рождения. Поэтому получилось так, что я ее совершенно не знала, имя я получила своей бабушки [бабушка Песя – внучка Полина. – *Прим. соб.*]. <...> Внучку мы назвали в честь моей мамы, у меня мама была Анастасия, моя старшая внучка получила имя Анастасия. <...> И я помню, моя мама говорила, когда мы назвали (мы не обсуждали), но так вот – дочка с зятем пришли к такому выводу, что назовут [в честь бабушки], мама моя была жива еще, и вот моя мама тогда сказала такую фразу: «Посмотрите, земной шар действительно круглый. Я, Анастасия, уехала из России, рожденная там приехала сюда. У меня родилась правнучка в России, и Анастасия вернулась туда». [Семья дочери живет в Орловской обл.] Вот так вот получилось, может, немножко тавтология, но образно получилось. Что я, Анастасия, уехала, и я же дала какой-то корень Анастасии, которая вернулась туда³.

Уже я своего ребенка называла ни в честь кого, ни в честь никак. Мне было важно, чтобы было какое-то такое имя... ну, не очень экзотическое. Я не знаю, где и как этот ребенок будет жить, брак у меня смешанный, у меня муж русский, он имеет право ходить в православную церковь, хочет пойти в синагогу – никто не выгонит, поэтому мы не хотели изначально давать ему чисто еврейское имя. В его ситуации это тоже неправильно. Мы долго выбирали что-то такое нейтральное, я не знаю почему – мы выбрали имя Ромка, Роман. Вполне так нейтрально, мы очень ждали девочку, девочке мы выбрали имя Анна. Мы решили: будет жить в Германии – будет Анхен, будет жить во Франции – будет Анни, будет жить в России – будет Анюта. Вот так решили, нам очень нравилось это имя, но девочка у нас не получилась. Но у нас есть Роман Николаевич, который уже знает, что он еврей⁴.

[Почему вас называли Семён?] В честь моей бабушки. Мамина мама. Ее звали Сура. Меня называли Суня. Сюня вообще. В паспорте я Семён. [Можно называть мальчика в честь женщины?] Ну, да. У нас называют

по умершим. Первые две буквы как бы... можно назвать, а остальное можно назвать как бы другими. Как бы соединяются. Но это, как бы, закон. Умер, значит должен быть назван. [По живому никогда не называют?] Нет. [И до сих пор?] Ну, сейчас молодежь – у меня дочка названа просто, она родилась в Анну, 22 декабря, Анна.

[То есть вы просто выбрали имя?] Ну да, у нас не было в то время никого, кем можно было [назвать]. [А по отчеству вы как?] Абрамович. Записано «Абрамович», а звали Щика. [Как?] Не знаю, звали Щика, а записан Абрам. [Щика это тоже имя?] Щика, такое имя! [Было принято менять еврейские имена?] Я вам расскажу сейчас историю. Мой брат, на 10 лет старше меня, он был записан Хаим. Хаим-Хаим, пошел в школу, «Хаим-Хаим, Хаим-Хаим» – смеются! Уже советская власть, записали «Ефим». Хаим по-еврейски – это Ефим. И он стал русский [смеется].

А записан был Хаим. [Почему еврейские традиционные имена считались смешными?] Ну, такие имена... на слуху. [Что смешного в имени Хаим?] Ну, видите, смеялись люди – не знаю почему. Да и сейчас такие имена как бы не дают. Тоже чтоб детей не дразнили – так или не так? Может, думаешь, ребенок пойдет в школу, в садик, одно-другое, а так красивое имя, чтоб было на слуху. <...> Я в школе когда учился, у меня классный руководитель был тоже еврей. Я вообще Векслер Семён Абрамович. Для того чтобы, я не знаю – смеялись или что – он мне написал Векслер Семён Александрович. Это мой классный. [В журнале?] Да, так он написал, и ничего! Школа у нас была почти еврейская – учителя, процентов 75, это были евреи⁵.

Традиция и профессия

Если наши предыдущие собеседники представляют традиции семей, выбравших светское направление в культуре, то следующий рассказчик, 62-летний уроженец Станиславова (Ивано-Франковска), сознательно и последовательно формировал свое религиозное сознание. Его родители были верующими, и сам он с 1960-х гг. посещал полуподпольные собрания, на которых молились, читали Тору и изучали иврит. С 1994 г. он – шамес в городской синагоге; рассказывая об избранном жизненном пути, он подчеркивает, что во многом его выбор был обусловлен семейными традициями.

С 60-х годов я приходил в дома, где, знал, собираются [религиозные евреи] – тогда действительно были праздники: и Рошашу́не, и Пейсах, и все праздники, где собирались. Потом начали выезжать в Польшу, Израиль, дальше и дальше. В 60-е в Станиславе было несколько мест, где

евреи молились. Отец мой был помощником раввина <...> собирались те старшие люди, которые знали отца, до 1989 года, пока отец не умер. После этого старики стали умирать. Некоторые повыезжали, но в основном – поумирали. [При жизни папы приходили только старшие люди или молодежь тоже приходила?] Молодежь тоже приходила – те, кто знали идиш и поддерживали традиции. Последний раз, когда молились дома, немного пострадали, потому что пришли дружинники с милиционером, а мама, которая сидела во дворе, не распознала их. Соседи доложили. Они [милиционеры] говорили, что это была незарегистрированная община. Я им говорю: «Вы меня извините! У вас свои есть праздники, у нас – свои. Тут собрались старшие люди, молитву читают, ничего больше нет». Показали молитвенники – там на иврите, а офицер говорит: «Я не знаю, что тут написано, может тут против Союза написано». Оштрафовали. Многих милиционеров я знал по комсомолу, так что сумму штрафа уменьшили. Старшие люди, когда собирались на праздник, собрали эти деньги и вернули отцу...

<...> Еще десять лет тому назад собирались люди в синагоге на встречу субботы, а в последнее время только старики. На Пейсах, Рошашуне, Суккот ребе дает задание, чтобы я обзванивал людей, чтобы люди приходили. Дедушка тоже был шамесом, шамес должен идти по селу, зазывать людей на службу в синагогу – перешло мне, а я еще отвечаю в синагоге за траурные дела. Кто из евреев умирает, ребе посылает ко мне, и перед тем как войти в дом траура, я должен все проверить, накрыть... [По словам информанта, «похоронные обязанности» его родителям передала одна старушка:] она имела полотно с магендóвидом, и перед смертью она сказала, чтобы папа и мама мои забрали это вот, чтобы были последователями этого. По этому перешедшему, моя мама, когда хоронили по закону, если женщина умирает, она шила ночную сорочку, платок и одевала ее, омывала, одевала, и ложили тогда в гроб. Гроб – он должен быть на полу, над головой свечи, и должен быть стакан с водой. Когда мужчина умирает, то мать тоже шьет, отец одевает, омывает, мама помогает, кто мог – за эти дела платили⁶.

Но в ситуации, когда в городе нет раввина (как, например, сегодня в Бельцах), «главным» по делам синагоги оказывается администратор, который по роду своей деятельности должен решать не только общественно-хозяйственные вопросы, но и неизбежно вникать в религиозную сферу и даже «корректировать» поведение своих прихожан. Администратор синагоги в Бельцах не считает себя религиозным человеком, но старается изучать традицию; при этом субботу не соблюдает, по его словам – зажигает свет и ездит на транспорте.

[Говорят, у вас тут кошерная Тора?] Конечно, кошерная! [Объясните, пожалуйста. Показывает аронкодеш – шкаф, завешенный парохетом]. Вот это называется *арона-кодеши*. Перевод: *арон* – это шкаф, а *кодеши* – святой шкаф. Могу вам прочесть, что здесь написано [читает вышитую надпись]. *Моше бат Елизер* (я не знаю кто, это кто-то подарил) *падзит-нада* (дал пожертвование) *лек бейт а кнесет* (в синагогу) *лизкор* (это в память) *ишито* (его жены) *Малка бат* (а здесь аббревиатура, я не знаю, что это такое) [из аудитории подсказывают: *рав!*] она дочь раввина Мее-ра... Это в 89-м году [на вышивке: 1989]. Кто это дал, я не знаю. Это ручная работа, это была дорогая вещь. [Открывает шкаф, показывает Торы (свитки).] Здесь у нас четыре Торы и только одна кошерная – вот эта [в красном чехле, с вышитой звездой Давида]. Вы не знаете, что такое кошерное, а что некошерное? Кошерное – это настоящее, а некошерное... Здесь слово «кошерное» уже народ не применяет, слово «кошерное» относится к еде.

Бывает, что приходят такие люди, что... у нас есть миссионеры, евреи за Иисуса Христа. Но когда узнаешь, что кто-то из наших туда ходит, туда ходили и сюда, то сюда уж не будет красиво. Пару человек мне пришлось прям с одним условием: если мы узнаем, что он туда ходит, ладно – ходи туда. Потому что там отличие есть. Пришел один, ходил, ходил, потом и исчез. И нету, и нету. Потом я прохожу, а он выходит. Я говорю: «Дима, ты что отсюда выходишь?» – «Я хожу к ним, к этим миссионерам». – «Так тебе больше подходит?» (а говорил, что у него бабушка еврейка!). Я документы его не смотрел. Ну, бабушка еврейка – ходи туда. «Да, я буду сюда ходить». Потом прошло недели три-четыре, он опять сюда пришел. Я ему говорю: «Ты чего сюда пришел, ты ж туда ходишь?» – «Нет, я уже буду сюда ходить!» А я говорю: «Нет, сюда запрещено! Не будешь, я не разрешаю!» И он вышел и чуть ли не плачет...⁷

Для послевоенного поколения своеобразным «элементом еврейской идентификации» может стать еврейское кладбище. В последние десятилетия в некоторых городах бывшего СССР еврейские кладбища стали предметом внимания местных еврейских общин, объектом исследования и реставрации. Появились энтузиасты, взявшие на себя роль «хранителей древностей». С одним из таких знатоков местной еврейской истории мы познакомились в Черновцах. Бывший фотограф, в настоящее время он занимается поиском захоронений и уходом за могилами на еврейском кладбище в г. Черновцы.

Как я, как еврей, пришел на еврейское кладбище заниматься вот такими делами? Я же не от этого... Просто когда приехала израильянка

одна <...> она здесь на неделю, она вытаскивает 100 долларов и говорит: «Это памятник моей мамы, ты еврей, мы друзья, ты не обижайся, я тебе даю эти деньги, и не отказывайся и не сопротивляйся. Возьми эти деньги и каждый год, когда там *юрцайт*, я тебя прошу – это еврейская рука будет зажигать, для меня эти деньги... я рада, что я могу их дать именно еврею, что именно еврей будет», – так она мне подчеркивала, уговаривала. Ну хорошо, взял эти деньги и пришел. Взял парня молодого, начинаем немножко убирать. Я не занимался этим, понимаете, у меня совсем другая работа! И возвращаюсь обратно. Идет женщина пожилая и с молодой: «О! Вы тут работаете?» Я говорю: «Я не работаю тут». – «Ну, все равно, помогите, мы из Спрингфилда, с Америки! Мы вам даем деньги!» Я говорю, слушайте, я ж не занимаюсь. Она вытаскивает деньги, 100 долларов тоже, воткнула мне: нам надо уже, сейчас приедут родственники все, стыд и позор! <...> И пошло, и пошло, и пошло... Америка – Сакраменто, Бостон, Бруклин, Нью-Йорк, штат Огайо, потом Лондон, Париж, потом Испания, понимаете? <...> А раньше я занимался свадьбами. Я ж фотограф. Это было доходное дело! Но на сегодняшний день есть люди, которые этого не понимают – я ж не могу им объяснить. Мне на кладбище приятней работать, чем обслуживать свадьбы. Ну, во-первых, с точки зрения финансов, так тут постоянные клиенты, одни и те же <...> Свадьба же – это люди, которые не очень доброжелательно относятся к евреям в общем-то в душе, так? И когда ты работаешь, ты чувствуешь на себе это вот. Ну, платят деньги. Не всегда деньги приятно получать! Смотря от кого. Когда делаешь, он: вот, хитро, вы [еврей] всё привыкли так вот [схитрить]... Тут же, наоборот, я с евреями имею дело, и он мне не скажет обидные слова. <...> Я получил от него [клиента] деньги. Эти же деньги я получу от какой-то свадьбы, от какого-то Ивана Степановича, который мне скажет, что вот ты много денег взял, вы, еврей, привыкли [обманывать]. Мне не очень приятно будет эти деньги получать. Так лучше уж тут получить, когда тебе тут желают добра и всё. А там... По-разному бывает⁸.

Говоря о своей миссии, наш рассказчик подчеркивает, что осознание еврейства пришло к нему именно тогда, когда он оказался взыскан на роль хранителя традиции, чем он, безусловно, гордится.

Интеграция в еврейскую традицию

У большинства наших собеседников искренний интерес вызывают неевреи, проявляющие склонность к еврейской религии и традиции. И версии объяснения этого явления здесь у каждого свои⁹. Кроме

того, в Бессарабии и на Буковине до сих пор сохраняется практика обращения нееврейского населения к раввинам или в синагогу за помощью и советом в трудных жизненных ситуациях¹⁰.

У нас есть один в Молдавии – реб Залман! [имеет в виду кишиневского раввина] <...> У нас даже и президент ходил к нему! Коммунист – просил благословления. [И как?] Не помогло! Переизбрали! [т.е. не выбрали на другой срок.] Вы будете смеяться, но моего товарища долгое время не утверждали начальником налоговой инспекции республики, он потом был министром финансов. И вот его повели к ребу Залману нашему друзья. И на третий день его утвердили. Хочешь верь – хочешь не верь. Чуда бывают всякие¹¹.

Многие неевреи принимают еврейскую веру. Заместитель кишиневского раввина – молдаванин (Мунтян). Он представляет общину на всех религиозных мероприятиях, прошел гиюр, изучил Библию, знает еврейское всё и при этом этнический молдаванин. <...> Это не мода – это явление существует годами. [Бывает, что просто молдаване приходят?] Приходят, они считают, что еврейские раввины знают какие-то тайны. И вот ездят к ним на консультации советоваться по жизненным проблемам. В Черновицы особенно, в Бельцы, пожертвование дают. Это массовое явление. Да, знают тайны евреи, наследники учения каббалы. Они слышаны об этом и думают, что если такие известные люди себя этому посвящают, то, наверное, что-то есть!¹²

[Молдаване ходят в синагогу?] У нас цыган ходит. На молитву. Цыган! Я не знаю, как его зовут, я тоже не религиозный, я прихожу иногда на молитву, я вижу его тут частенько. Он приходит, ему нравится вера эта, он читает, он всё знает. [Читает по-еврейски?] Нет, там на русском тоже ж есть. [Это который барон?] Нет, другой. Барон просто знает идиш. Он знает три слова. Он их просто собирает, получается 7–8 слов, понимаете? И как бы... Он сказал просто красивые слова. У нас было мероприятие, 20-летие [общины] как бы сделали, и он сказал красивые слова: «Только в Сороках евреи говорят на цыганском, а цыгане разговаривают на идише». [А то, что евреи говорят на цыганском, это факт?] Есть! Я лично слышал! У моего брата друг жил опять же на Горе, работал среди цыган, у него там база была, он работал, он знал по-цыгански лучше, чем цыгане. Он разговаривал свободно, как говорят – *liber* – спокойно. И многие знали. [А цыган, который на молитву ходит?] Ему нравится! Он приходит, он не ходит ни в церковь, он сюда ходит, ему нравится. Он приходит к нам на праздники, я даже много раз видел. [Но веру он не принимает?] Нет, как бы нет. Но историю – всё, он учит, читает. Он знает больше историю, чем я. Однозначно, честно!

Как бы даже был заместитель раввина Молдовы здесь, я знаю, что у нас здесь ведет молитву, он спросил: это можно? Вот, если люди приходят и ставят там 5 лей, я не знаю, там есть у них ящик, можете бросить, чтоб... Он говорит: нет проблем! Пускай ложат деньги, вы можете читать. Показал, какая молитва¹³. Так они ходят. [В поисках справедливости?] Да. Они считают, что у нас Бог посильнее¹⁴.

Евреи г. Бельцы единодушно рассказывают об уважаемом человеке, враче Иване Александровиче Виеру, молдаванине, сделавшем иудаизм предметом своего философско-нравственного выбора. Эти рассказы, видимо, «цитируют» самого Виеру, являясь пересказами бесед с ним; одновременно в этих текстах содержится оценка, которую информанты дают данному факту. Об Иване Александровиче рассказывают и за пределами Бельц, но там уже это не пространные нарративы (в отличие от тех, что записаны от «очевидцев-собеседников»), а лаконичные свидетельства, сохраняющие только основные наиболее значимые моменты.

У нас сейчас ходит один врач, уважаемый врач, молдаван сам, но он очень давно ходит в синагогу, где-то с середины 80-х, где-то с 88-го, с 89-го, его зовут Виеру Иван Александрович. Он очень хорошо знает Тору, он всё это читал, он на самом деле преданный еврейской религии, он у нас уважаемый человек, он вот тут сидит [показывает на первый ряд у окна, в парте лежит его сидур], он, бывает, рассказывает нам недельную главу, он подготовленный. В общем-то, он очень хотел принять гиюр. Где хотите он ездил – и к раввину в Киев он ездил, и в Одессу, и в Кишинев, и где угодно. Ему ставили условие: ладно, если ты хочешь... Они думали, что у него есть цель гиюра... Знаете, для того чтобы репатрироваться в Израиль. Он говорит, мне надо не для того, я хочу просто... На самом деле мы его не имеем права к Торе вызвать, и он знает, что по закону нельзя. А он хочет, чтоб и к Торе подходить. Быть полноправным членом еврейской общины. Но так и не удалось. У него дети, обе дочери выехали замуж в Канаду, но так у него не получилось гиюр принять. Хотя он бы сдал экзамен, он всё знал¹⁵.

Да, Иван Александрович. Это человек, который умнейший человек, и вообще с ним побеседовать очень интересно. Он молдаван, он мне рассказывал, мы с ним сколько раз беседовали, он говорит – я изучил много религий. И я пришел к выводу, что мне подходит только иудаизм. Это его сознательный выбор. Он не в детстве к этому пришел – человеку 60 лет почти. Он пришел это сознательно, и он уверовал в это. Вот он –

истинно верующий человек. Но пройти гиюр он никак не может, это большая проблема у нас, и никак не может. Для того чтобы пройти гиюр, ему нужно всё здесь бросить, уехать в Киев, там прожить сколько-то – полгода, год, два года, я не знаю точно, чтобы пройти все эти процедуры, а он говорит: а на что я буду жить?! Вот он – истинно верующий человек¹⁶.

Я вот уважаю только этих людей, которые... христиан православных. А вот эти, что есть другие веры, я не знаю, я не верю. Там описывается совсем другое, как я вам сказала... А вы были, вы не были – были утром, а вы же не были в синагогу. К нам ходит один врач из города. Он это вот – травматолог. Он уже ходит двадцать лет – сколько я хожу, столько и он уже.

Так он перешел в нашу веру. В смысле он молдаван. Он знает, что он молдаван, он не еврей, он не считается евреем, потому что ему равнины не дали это вот еще, что он еврей или нет. Он не это вот, не обрезание или не прошли это, как называется, что проходят – я вот вам не могу сказать тоже. Гиюр не прошел. Так поэтому не дают ему это еще. И они хотят эти в Киеве равнины, чтоб и жена прошла гиюр – это вот. А жена чтоб это прошла, ей... Они обои врачи. Но он ходит к нам постоянно, и он знает больше, чем еврей. Эти вот говорят, что они не знают, но он знает больше, чем еврей.

Так я ему раз спросила. Он раз моя дочка было упала, я его вызывала домой к нам. И я спросила: «Иван Александрович, скажите, пожалуйста, почему вы стали верить в еврейскую веру?» Он говорит: «Потому что я начитанный, и я читал все веры, описанные все веры, все, которые существуют. Самая верная, самая справедливая вера – это иудейская». И я же вижу – приходят из другие веры к нам, сидят, и берут – наши не забирают <...> и читают сколько хочешь. И они переписывают, и все это вот ... Так к чему мы это говорили? [Что у них вера такая же, как у евреев.] Да, так я же говорю. Христиане это православные точно так, что у нас пишут...¹⁷

В бельцкой синагоге есть врач Виеру. Он не смог пройти гиюр, но в синагоге на всех собраниях он выступает¹⁸.

Для многих смешанных семей вопрос «интеграции» встает, когда приходится провожать в иной мир почивших родственников или супругов. В последнее время практика захоронения нееврейских членов семьи на еврейском кладбище или евреев на христианском получила довольно широкое распространение даже в таких исконно «еврейских» центрах, как Бельцы, Хотин и Сорока¹⁹.

Но есть случай, как еврея похоронили на христианском кладбище. [Почему?] На сегодняшний день никто этого не знает, у него жена была русская, он умер внезапно, его ударило током, я знаю, что он похоронен на христианском кладбище. Зовут Фройя. Миттельман Фройя. [Не потому, что он был партийный?] Нет. Это желание жены. Я думаю, что он сам бы это не одобрил. Его хоронили евреи, шли за гробом. Все зашли в церковь, даже я там был, а мы все стояли на улице, пока его там отпели. [А его отпевали, несмотря на то что он был еврей?] Да. Это значит, прошло так, что его сразу и крестили, значит? [А он был некрещеный?] Нет, конечно. Чистокровный еврей. [Может, жена это сделала, потому что хотела потом рядом с ним лежать?] Она уже в Израиле, а он здесь лежит. Она живет в Израиле. Вот это жизнь... [усмехается]²⁰.

Очень много евреи лежат на русском кладбище, очень много русских лежат на еврейском кладбище. [А можно так?] Ну а чего нельзя? Чего нельзя? [А раньше, в прежние времена?] Ну, у меня жена русская была, украинка. Я ее положил на еврейском кладбище, я даже не думал, думал, шо если шо, так положим на украинском, у ней и сёстры есть. А перед смертью она говорит: «Я не буду ходить к тебе в гости, не нужно, шоб ты ходил ко мне в гости – ты должен ложить мене там, где ты будешь». Я говорю: «Я на русском не попаду». – «Значит, мене ложи». Сёстры обиделись, но ничего! Только я сделал разницу. Допустим, родители – закрыта могила по еврейским [законам], должна плита быть, она просила, шоб были цветы. Я оставил открытым и цветы сажу всё время, смотрю за ними. И всё, и ничего страшного нэма. Не побьются и не подерутся²¹.

[Бывали случаи, когда неевреев хоронили на еврейском кладбище?] Да, есть был случай. Могила рядом с моими родителями, похоронен муж с женой – она не еврейка, она украинка. <...> она умерла раньше на полгода, и он как бы просил разрешения, чтоб похоронить ее на... [еврейском кладбище]. Она очень хорошо относилась к евреям, не могу сказать, что она постоянно соблюдала еврейские традиции, но... в общем, так и осталась. [Даже если нееврей не соблюдал еврейские традиции, можно его здесь похоронить?] Ну да. И через полгода он умер уже <...> [Надо какое-то специальное разрешение просить?] Разрешение – ну как бы считается, что мы отвечаем за кладбище, по традиции за ним следим, он с нами поговорил, и мы не против, чтобы там [супруги были вместе]. [А наоборот бывает, чтобы еврей – на христианском кладбище?] Ну, еврей, ассимилированный в смысле, если там наполовину еврей, то такие случаи есть. Но когда родители евреи, я таких случаев не упомяну²².

[Можно на одном кладбище похоронить еврея и нееврея?] Я не знаю, как тогда выходили [из положения], мне трудно судить. Это детские воспоминания, я не знаю. Но когда умирала моя мама, вопрос был однозначный. Она сказала: «Я должна быть похоронена только рядом с папой». И этот вопрос не обсуждался. У меня русская мама похоронена с евреем папой здесь на еврейском кладбище. [Не надо было спрашивать разрешения?] Нет, ни у кого нигде я никакого разрешения не спрашивала. Я похоронила маму рядом с папой. Никто на ее национальность не смотрел, она была Розенберг, с такой же фамилией, как папа. Поэтому этот вопрос была однозначен. Мама сразу предупредила, чтобы никто не ломал и не ломал себе голову: я должна быть похоронена вместе с папой²³.

Моделирование «индивидуальной» традиции и ее трактовка

Интересно отметить, что в картине мира некоторых наших собеседников довольно значимую роль играет фактор создания собственного варианта какого-либо обряда или ритуальной практики. Такое моделирование, на наш взгляд, является своеобразным ключом, открывающим вход в мир традиции, который долгое время был для человека закрыт (в силу специфики времени, на которое пришлось взросление наших информантов 1930–1950-х гг. рождения). Объясняя, почему то или иное действие они совершают именно так, а не иначе, наши собеседники обращаются либо к рациональным доводам, либо, наоборот, подчеркивают субъективные переживания, связанные с тем или иным фрагментом традиции.

[В еврейской традиции всегда можно ходить на кладбище?] В пятницу после захода солнца, то есть с шести часов начиная, и целый день в субботу на кладбище не ходят. И мы не ходим на кладбище. А в воскресенье – уже да. [Можно ходить на кладбище тому, у кого родители живы?] Я не наблюдал таких запретов в этом отношении. Честно сказать, лично я, например, не ходил на кладбище, я себе в 13 лет дал какой-то зарок такой – что я не буду на кладбище, пока кто-то из моих самых близких там не будет. И вот очень много лет я это соблюдал, я доходил только до ворот, а на кладбище не ходил. И только когда отца хоронили, я первый раз зашел на территорию кладбища. [А почему в 13 лет вы так решили?] Ну, как-то так получилось просто. Может, как-то осознанно, может, в 14 лет... не вспомню, не приурочено к какому-то

там возрасту определенному. [То есть это вы так для себя решили, а такого правила нигде не написано?] Нет-нет, мои дети ходили. [То есть с детьми можно прийти на могилу к бабушке, к дедушке?] Конечно. Дети приезжают, у меня двое детей живут в Кишиневе, а старшая дочка в Израиле. Прилетает, и мы все вместе приходим на кладбище обязательно – в день приезда или на второй день, или перед отъездом²⁴.

Мы сейчас немножечко нарушаем, и я нарушил раньше, и эти – помоложе <...> На еврейских кладбищах мужчины отдельно похоронены в ряду, женщины – отдельно. И я, как бывший член партии, то есть член КПСС (а сейчас я член партии другой – партии коммунистов Молдовы), нарушил это. Похоронил отца, потом через несколько лет мать умерла, и рядом поставил им памятники. [Не было принято делать семейные участки?] Нет. Некоторые меня осуждали, сейчас я скажу: это было в... в 78-м году отца хоронил, а в 83-м мать. Получается, через пять лет. И когда я мать там похоронил, мне осуждающие, старшее поколение, старше меня гораздо, говорили: ты некрасиво, ты неправильно поступил, ты осквернил, ты нарушил, ты такой-сякой. Я говорю – это ваше мнение, ваше суждение, пусть оно у вас остается. Я так поступил. Прошло 10–15 лет, некоторые, которые приезжали уже потом из других стран, значит, они покинули Молдову, покинули Единцы: «Ой, Семен! Ой, Сёма! Ты был мудрым человеком, ты правильно сделал, что не в одном конце кладбища, а рядом похоронил родителей. Мы видим, что ничего тут страшного нет, покойники между собой там не ссорятся, никаких скандалов». Они [имеет в виду братьев Аккерман, тоже похоронивших своих родителей рядом и поставивших им общий памятник] тоже так сделали. <...> Я считаю, что это не такой уж страшный грех и такое преступление. Но есть люди, которые считают себя святыми, набожными, но живут они по далеко не нравственным законам²⁵.

Израильская свадьба. Священник пьет вино, а потом из этой кружки должны все пить, как ни противно. У разных евреев по-разному. Традиция разбить тарелку? На какой-то свадьбе так порезались, что кровь лилась рекой. У бессарабских евреев надо было пополам разломать тарелку об угол стола, потом тарелку отдавали жениху и невесте. <...> У нас бокал не били. Какой смысл разбивать, когда наоборот семью соединяют? Непонятно²⁶.

Я в синагогу вообще не хожу, я там бываю только по праздникам. На Пейсах, на Рош-а-шана в обязательном порядке, я прихожу туда в день смерти своего отца, своей мамы – несмотря на то что мама русская, я тоже прихожу в синагогу, и Рома (он не раввин, но он глубоко верующий человек, он у нас работает в хеседе, он ведет всю эту работу в сина-

гоге, и он читает молитву). Я говорю там за моих родителей, и он читает и в этом криминала тоже не видит. Но даже в эти праздничные дни приходит очень много людей, которые не имеют к еврейству абсолютно никакого отношения. Им нравится, им интересно, они просто в душе верят, что это место, которое им поможет.

В христианской традиции потом обязательно застолье делается, у евреев это не делается. У евреев нет поминок. У них единственное, что когда выезжают... всё, похоронили человека, опустили его, если есть жена – то ей обязательно нужно порвать косынку, нужно разорвать ее, потому что как бы ее жизнь уходит в две стороны – ушел муж, и она осталась с этой стороны, обязательно читается молитва на кладбище, и никаких поминальных столов не делают. Когда все вышли за территорию кладбища, обязательно нужно вымыть руки, но это в традиции всех народов. И вот тут такое небольшое угощение, вообще положено лейкех и по глотку водки. Вот это всё, что должно быть. И никаких поминальных столов не делается. И я считаю, что это хорошо <...>

Всё возвращается на кругá свои, на каком-то этапе всё где-то что-то возвращается. Я родилась в нееврейской семье, но папа у меня еврей, и я не прошла этап роста в еврействе, как говорится, но, несмотря на то что у меня есть эти гены, я вернулась в еврейство. Пусть это было уже в таком преклонном возрасте моем, но я вернулась в это еврейство! Понимаете, вот что-то есть! Поворот какой-то есть, от которого мы не можем никуда уйти. Смотрю, моя дочка, которая абсолютно не жила в еврейской... ничего не знает о еврейских традициях, но когда еврейские праздники, я тут же получаю от нее поздравление с праздником.

Вот я дома зажигаю свечу в пятницу вечером теперь. Теперь я ее зажигаю, эту свечку, ставлю на подоконник и зажигаю. То есть – мне приятен этот обычай. Не потому что я ударилась в религиозность, а потому, что мне приятен этот обычай. Поэтому я это делаю. Я получаю удовольствие от этого. Я одна, я живу совершенно одна, и поэтому какая-то живая такая ниточка, и я зажигаю. У меня есть ханукия, у меня есть вот эти прибабасики, как я говорю, это душевно. А свеча – ведь это душа. Живой огонь. В день смерти родителей, мужа я зажигаю свечу дома. Это тоже какой-то такой ритуал, как-то согревает, и как-то себя чувствуешь в каком-то русле определенном. Приятно получается²⁷.

Еврейские традиции и мир «соседей»

В полиэтнической и поликонфессиональной традиции города Бельцы (как и во многих регионах тесного этнокультурного соседства) интерес к традициям соседей всегда велик, несмотря на возможное

противостояние и даже враждебность в период общественных кризисов. Практика соседства в конечном итоге всегда пересиливала конфронтацию, и разные традиции становились друг для друга источником культурного обогащения. Об этом – яркий рассказ жительницы г. Бельцы (по национальности украинки), у которой еврейская традиция вызывает искреннее восхищение; значимыми моментами при формировании «портрета» еврейской традиции становится, во-первых, кулинарный код, а во-вторых – набор положительных характеристик образа еврея.

Вы знаете, я вот даже вчера себе вот так вот набросала [разворачивает конспект!], некоторые вещи я вспомнила. Что мы переняли от евреев? У нас в рационе появилась фаршированная рыба, у нас появилась фаршированная куриная шейка, у нас появился бисквит. Я хочу, чтобы вы понимали, что в 60-е – 70-е годы такого понятия, как миксер, не было. И когда евреи на работе угощали маму бисквитом, они объясняли, что надо очень долго взбивать яйца – отдельно белки, отдельно желтки. Я помню, как моя мама сама и меня заставляла взбивать, потому что это был бисквит, это Франя дала ей рецепт! Еще у нас появилось в семье такое блюдо, как форшмак – мы его очень любим. Если вы знаете, что это такое – рубленая сельдь с луком, со сливочным маслом и так далее.

И буквально несколько слов о стереотипах. Есть отрицательные стереотипы о евреях в нашей местности, есть положительные стереотипы. Отрицательный стереотип (мы вчера говорили) – евреи все хитрые. Боже упаси кушать еврейскую мацу, потому что в нее добавляется кровь христианских младенцев. Есть такой злой, такой черный юмор: ну зачем же портить еврейскую мацу хрустящую христианской кровью?! Или: евреи боятся СПИДА и поэтому не делают этого.

Теперь хочу сказать о положительных вещах. Опять таки – вчера начала вспоминать. Евреи ели только курицу. Вот, идя с бабушкой на рынок – они покупали только живых курей. А мы жили тоже в таком райончике, где было много евреев, и бабушка все время здоровалась с ними, потому что моя бабушка работала у евреев по хозяйству. [После войны это было?] Да, после войны, и до войны она была у них как бы управительницей хозяйства в доме. Моя бабушка очень вкусно готовила, и мы еще от бабушки это переняли. И вот она шла, здоровалась и говорила: ой, смотри, Фаня идет. Фаня курочку выбирает. Очень интересно, как выбирали курей. Покупали только живых. Брли курочку, поворачивали ее попкой к себе и дули в эти перышки, чтобы посмотреть. Меня всегда это удивляло, я спрашивала: «Бабушка, зачем они это делают?» Она говорит: «А чтобы посмотреть: если курица здоровая, если она хорошо

кормленная, она жирная и попка у нее чистая. Значит, курица была у хороших хозяев, она находилась в чистоте». Еще бабушка рассказывала, что евреи сами никогда курей не резали. У них был человек, который резал куры. <...> [А он долго был? В какие года?] Это не могу сказать. Моя бабушка умерла в 79-м году. Мне тогда было 12–11 лет, поэтому вот это мои детские воспоминания.

А уже вот в моей семье я очень хорошо помню, как моя мама всегда говорила: «Инна, я очень хочу, чтоб ты удачно вышла замуж, только, пожалуйста, не выходи за молдаванина. Или за еврея, или за украинца». Она всегда говорила: еврейские мужчины очень порядочные, они не пьют. Это хороший стереотип! Не потому что среди евреев нет пьяниц, но в принципе бытовало мнение, что еврейская семья – это очень порядочная семья. Их мужчины не пьют, их мужчины не гуляют [дружное хихиканье], и что самое важное – их мужчины не бьют! Вы понимаете, к сожалению, насилие в семье у нас сохраняется и сейчас. И в молдавских семьях это присутствует, и некоторые воспринимают это как должное. Бьет – значит любит. У евреев это отсутствовало. И еще один очень хороший стереотип. Так, как евреи любят своих детей, так никто не любит своих детей. Потому что, говоря о еврейских детях, каким бы ни был ребенок, шалун, нездоровый, больной, они всегда говорили о нем в превосходной степени, он всегда самый умный, он всегда самый хороший. И у нас можно услышать: ты такой-сякой, своим детям на улице давать подзатылки, то есть вот это норма. У евреев этого никогда не было. И всегда моя мама говорила: «Посмотри, как они воспитывают, там, Игоря! Посмотри, как они воспитывают – что бы он ни делал!» Они не позволяют себе в школе ругать после родительского собрания. И евреи очень много денег, всё внимание уделяли воспитанию детей и их образованию. Это было приоритетным, и еврейские дети практически все прошли через музыкальную или художественную школу. Это было обязательным. Если мы – русские, украинцы – ходили в спортивные секции, на танцплощадки, я не помню, чтоб мои одноклассники-евреи приходили на дискотеку, не помню! Я закончила школу в 82-м году. Но все они обязательно закончили или художественную, или школу музыкальную.

Еще я помню очень вкусное блюдо – *маина*. Я забыла об этом сказать. Все знают, что такое «маина»? Слоеное тесто внутри с мясом. Вот это тоже стало любимым блюдом в нашей семье. И еще у нас до сих пор существует выражение: «м-м-м... цимес!» Это тоже характерно для нас, потому что у нас морковь растет в любом огороде на любой даче, и вот эти кругляшки моркови, вареной или жаренной в жире, с фруктами, с мясом – ну, они символизируют денежку, достаток. И вот некий такой вкус. [Не говорили, что евреи научили украинцев готовить?] Вы знаете,

я хочу сказать, в Молдавии традиция кухни очень большая. И молдаване сами готовят великолепно. Я бы даже сказала, лучше, чем украинская кухня, хотя я сама украинка. Но я больше предпочитаю молдавскую кухню. В ней большое обилие овощей, брынзы – коровьей, овечьей, поэтому евреи перенимали что-то у молдаван и у русских, а вот эти блюда я точно знаю, что появились в нашей семье, когда мама приносила вот эти вот рецепты.

И еще один момент. Это было только на еврейских свадьбах. Это сейчас стало повсеместно, но это было на еврейских свадьбах. Когда свадьба заканчивалась и подавали сладкое на стол, только на еврейских свадьбах всем гостям раздавали кулечки, и ты мог сладкое взять с собой. Вы ж понимаете, будучи на свадьбе, ты уже не так, а вот так наелся [выше головы]! И то пирожное, и та пахлава, или то сладкое – тебе хочется, но оно уже не лезет. Это было настолько здорово, и когда я впервые в 85-м году побывала на еврейской свадьбе, вы не представляете – не потому что я голодная или у нас этого нет, но это было очень приятно, что то сладкое, которое ты не смогла съесть, тебе дали его в кулечек. Причем ты можешь взять столько, сколько ты хочешь. Да, тебе не клали, а просто кулечки раздавали, они лежали под тарелочкой, и ты мог уходить – оно было рассчитано на сладкое, но кто хотел, тот брал там что-то еще. <...> И вот это была чисто еврейская традиция, которая была настолько приятна, поэтому я говорю, что у меня такого вот восприятия негатива из своего детства об евреях нет...²⁸

«А вообще-то это весь народ от Бога...»

Проблема выбора традиции – во многом проблема индивидуального выбора, особенно в том случае, если человек в равной степени (в силу своего происхождения или семейных уз) привязан к различным традициям. В такой ситуации через выбор чего-то одного, через совмещение различных элементов или через моделирование собственного уклада и приходит, с одной стороны, осознание своих корней, а с другой – происходит отстаивание собственных ценностей (семейных, личных, приобретенных с опытом). Это личностное отношение к традиции и ее составляющим позволяет по-новому взглянуть на универсальную социокультурную оппозицию «свой–чужой» и во многом прояснить толерантность, присущую культуре полиэтничных традиций.

Я была, например, в церкви. Тоже на свадьбах у наших приятельниц. То, что там батюшка читает, это самое у нас пишется. То, что на иврите.

Так что мы всё равно все люди одинаковые. Потому что Бог дал все животные и все людей одни... одну кровь. А потом люди переделали вот это. И евреи и неевреи. А вообще-то это весь народ от Бога²⁹.

Примечания

¹ Распитина Полина Григорьевна, 1949 г.р., с. Препелица Сындржерейского р-на, Молдавия; учитель математики (Архангельский пединститут им. Ломоносова и Бельцкий пединститут), ныне директор «Хесед Яаков» в г. Бельцы; зап. О. Белова, 2011. Экспедиция 2011 г. проводилась при поддержке фонда Ави Хай.

² Груздева Римма Хаимовна, 1967 г.р., г. Бельцы, Молдавия; сотрудница «Хесед Яаков» в г. Бельцы; зап. О. Белова, 2011.

³ Распитина Полина Григорьевна, 1949 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

⁴ Груздева Римма Хаимовна, 1967 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

⁵ Векслер Семён Абрамович, 1962 г.р., г. Сорока, Молдавия; по профессии – мастер-обувщик, ныне руководитель еврейской общины г. Сорока; зап. О. Белова, 2011.

⁶ Глейс Рувим Давидович, 1949 г.р., г. Станиславов (Ивано-Франковск), Украина; зап. О. Белова, М. Каспина, 2009, Ивано-Франковск.

⁷ Ходак Леонид, 1953 г.р., г. Бельцы; по профессии – строитель, ныне администратор синагоги г. Бельцы; зап. О. Белова, 2011.

⁸ Лившиц Леонид Хаимович, 1953 г.р., Черновцы; зап. О. Белова, Т. Соломатина, 2009, Черновцы.

⁹ См. статью С. Амосовой и С. Пахомовой в этом сборнике.

¹⁰ Описанию и анализу этого явления посвящен целый ряд публикаций, см., например: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 131 и сл.; *Белова О.* Народная магия в регионах этнокультурных контактов славян и евреев // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2007. С. 110–136; *Белова О.В.* Интеграционные аспекты еврейско-славянского межкультурного диалога // Этнографическое обозрение. М., 2009. № 6. С. 29–37; *Киреева Н.* Обращение к «чужому» праведнику в магических целях // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. С. 137–145; *Амосова С., Каспина М.* Парадокс межэтнических контактов: практика обращения неевреев в синагогу (по полевым материалам) // Антропологический форум. 2009. № 11 Online // URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_04_kaspina-amosova.pdf; *Иоффе Э., Лазарева Е.* Раввины-чудотворцы и их почитатели на территории современной Буковины и Бессарабии // Мудрость – праведность – святость в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2011. С. 273–282. См. также статью Е. Лазаревой в этом сборнике.

¹¹ Бондарь Лев Шаевич, 1948 г.р., Бельцы, Молдавия; руководитель еврейской общины г. Бельцы; зап. О. Белова, 2011.

¹² Аккерман Леон Моисеевич, 1945 г.р., Единцы, Молдавия; руководитель строительной компании «Аккерман L&E»; зап. О. Белова, Н. Киреева, Э. Иоффе, Е. Лазарева, 2011, Единцы.

¹³ Ср.: по словам православной информантки, христианам следует индивидуально молиться за «иноверных» родственников св. мч. Уару или св. Николаю (Э.В. Букчина, 1955 г.р.; зап. О. Белова, А. Мороз, 2009, Черновцы). Св. мученик Уар – единственный христианский святой, являющийся небесным ходатаем за некрещеных умерших.

¹⁴ Векслер Семён Абрамович, 1962 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

¹⁵ Ходак Леонид, 1953 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

¹⁶ Распитина Полина Григорьевна, 1949 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

¹⁷ Мазур Мария Марковна, 1922 г.р., Бельцы, Бессарабия; зап. О. Белова, М. Каспина, Н. Киреева, 2011, Бельцы.

¹⁸ Аккерман Леон Моисеевич, 1945 г.р.; зап. О. Белова, Н. Киреева, Э. Иоффе, Е. Лазарева, 2011, Единцы.

¹⁹ См. также статью Э. Иоффе в этом сборнике.

²⁰ Векслер Семён Абрамович, 1962 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

²¹ Трахтенберг Ефим Хунович, 1928 г.р., Хотин, Бессарабия; зап. М. Каспина, О. Белова, Н. Киреева, Л. Жукова, 2007, Хотин (Черновицкая обл.).

²² Аккерман Ефим Моисеевич, 1950 г.р., Единцы, Молдавия; руководитель строительной компании «Аккерман L&E»; зап. О. Белова, Н. Киреева, Е. Лазарева, Э. Иоффе, 2011, Единцы.

²³ Распитина Полина Григорьевна, 1949 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

²⁴ Аккерман Ефим Моисеевич, 1950 г.р., Единцы, Молдавия; зап. О. Белова, Н. Киреева, 2011, Единцы.

²⁵ Фурман Семён Михайлович, 1932 г.р., Единцы, Бессарабия; учитель истории, член КПСС (ныне КПРМ); почетный житель города; зап. О. Белова, Н. Киреева, Э. Иоффе, Е. Лазарева, 2011, Единцы.

²⁶ Аккерман Леон Моисеевич, 1945 г.р.; зап. О. Белова, Н. Киреева, Э. Иоффе, Е. Лазарева, 2011, Единцы.

²⁷ Распитина Полина Григорьевна, 1949 г.р.; зап. О. Белова, 2011.

²⁸ Гортолум Инна Владимировна, 1965 г.р., учитель, сотрудница еврейской общины; зап. О. Белова, А. Кушкова, 2011, Бельцы.

²⁹ Мазур Мария Марковна, 1922 г.р.; зап. О. Белова, М. Каспина, Н. Киреева, 2011, Бельцы.

Статья написана в рамках проекта «Мир и человек в этнолингвистическом словаре “Славянские древности” (к 90-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого)» (грант РФФИ, 12-06-00048-а).